

ГАЛИНА СТАРКОВА

ИНТЕЛЛИГЕНТ И МАСТЕР

Алексей Никифорович Козлов — художник яркий, самобытный. Он родился 27 марта 1925 года на хуторе Трошино Пыщугского района. Со школьной скамьи ушёл на фронт добровольцем, после войны учился в Костромском художественном училище (1947–1950 гг.). Его друзьями были художники Николай Шувалов, Владимир Муравьев и Георгий Вопилов.

Одну из статей о художнике Алексее Никифоровиче Козлове в восьмидесятых годах опубликовала костромская областная газета “Северная правда”. Я тогда работала собкором “Северной правды” и попросила поделиться воспоминаниями Маргариту Александровну Смирнову, бывшего директора Пыщугской средней школы, хорошо знавшую художника. Спустя 30 лет я предлагаю читателям текст той заметки вместе с моим рассказом о том, как сегодня земляки хранят память об Алексее Козлове.

Наше старшее поколение учителей хорошо помнит Алексея Никифоровича Козлова. Помнит как коллегу, учителя рисования Пыщугской средней школы. Это было в пятидесятых годах, когда он только что окончил художественное училище в Костроме, наверное, сам бы тогда не поверил, что его картины будут украшать Национальный королевский музей в Лондоне, музеи Мюнхена и Нью-Йорка, что его картины приведут в восторг выдавших виды кинематографистов ФРГ, которые в 70-е годы снимали в Москве на проспекте Калинина выставку его картин. Съёмочная группа ликовала, а народ ахал от удивления: “Это что же за гений у нас объявился?”

Тогда, в пятидесятые годы он был скромным учителем. Скромным, но необыкновенным и неповторимым. Первыми зрителями портрета пыщугской красавицы, картины, названной “Северная Аврора”, а позднее “Портрет девушки под шалью”, вошедшей в золотой фонд, были именно пыщугские учителя. Они без труда узнали в портрете красавицы свою односельчанку Тамару Сивкову.

Алексей Никифорович писал с натуры Элю Разумову, нашу ученицу, дочь учительницы Орловой В. П. (“Снегурочка”). Нельзя не согласиться с писателем Ю. Н. Курановым, который подметил, что для Козлова в женском лице драгоценны были, прежде всего, глаза, в которых выражалась непорочность и прекрасное целомудрие. Он и позднее напишет много женских портретов, а мы, пыщужане, горды тем, что философский смысл женской красоты первоначально был заложен именно в лицах списанных с натуры пыщугских девушек.

В Алексее Никифоровиче поражало большое интеллектуальное трудолюбие, и общение с ним побуждало нас к серьёзному самообразованию, к самосовершенствованию. У него была антикварная библиотека, полная книг,

старинных и ценных. А памятью он обладал ёмкой и крепкой. Меня, например, поразила однажды его память на детали художественных образов из “Божественной комедии” Данте Алигьери. Хотя я учительница литературы и “Божественную комедию” знала, но поняла, что так зримо воспринимать литературное слово могут именно художники.

— Какой круг ада Данте вам кажется страшной? — спросил он меня.

Я, замаявшись, ответила:

— Мне весь ад страшен.

— А мне круг “Ожидание”, — сказал он.

Вскоре я перечитала “Божественную комедию” по книге из библиотеки Козлова (это было старинное издание в кожаном переплете), внимательно читала “Ад” и “Ожидание” восприняла по-новому. Теперь была убеждена, что испытание ожиданием действительно всего страшнее, это истязание, это казнь.

Алексей Никифорович имел завидную способность к общению с разными людьми, он мог быть своим человеком в любой по образованию и профессии среде. Это шло, наверное, от его крестьянского происхождения. Он родился на хуторе Трошино в 13 километрах от Пыщуга в крестьянской семье. Свободно общался с женщинами-крестьянками, с деревенскими мужиками, был свой среди сельской интеллигенции, почитаем среди столичной творческой интеллигенции. Например, известно, что почитателем таланта и собирателем картин Козлова был знаменитый авиаконструктор О. К. Антонов, в семье которого Козлов был почти своим человеком. Полотна нашего художника украшали интерьеры домов многих известных людей, в том числе академика Игоря Курчатова, академика Петра Капицы.

Я говорю “нашего художника”, хотя последние два с лишним десятка лет Козлов жил в Москве. И всё-таки он остался нашим. Не всегда человек, достигнув славы, помнит о неприметном затерянном хуторке, где жил в детстве. Алексей Козлов остался верным своей малой родине. В отцовский дом в Трошино он выезжал каждое лето. Именно здесь родились и осуществились многие его поэтические этюды. Здесь всегда он был вдохновенен, работоспособен. По нашей земле умел ходить осторожно, с любовью.

Друзьям признался: “Тысячу раз ходил я уже по этой дороге, иногда надоедает она, как вспомнишь, что идти надо. Стоит же выйти, и в каждый новый случай видишь её по-новому, словно впервые”.

По-новому видеть дороги Родины, ходить по ним, словно впервые, с тихими радостями удивления и гордости за землю, на которой живёшь, — как это напоминает восприятие деревни Михайловское А. С. Пушкиным. Недаром писатель Юрий Куранов в своей повести “Озарение радугой”, не раз обращаясь к творчеству Козлова, вспоминает великого поэта. Недаром и сам художник, склоняясь перед образом Пушкина, снова и снова обращался к его воплощению.

Побывав в Тригорском и вернувшись в Москву, Козлов долгое время оставался с собою наедине, никого не принимал, никуда не ходил, а потом как-то сказал, вспоминает Куранов: “Написал я тут одну странную работу. Долго работал. Спасу от неё не было, тяжело даже становилось, дышать было нечем, словно астмой душу закладывало. — Походил по комнате и добавил: — Памяти Пушкина. Картина называется “Реквием. Маска и свечи”.

Картину эту мне довелось увидеть. Действительно, как-то леденеет дыхание: синие с зеленью драпировки падают на плоскость. Две свечи горят по обе стороны в простых высоких подсвечниках, а между свечами — гипсовая маска Пушкина, и синяя, и лиловая, и зеленоватая одновременно. И чем больше в неё вглядываешься, тем острее ощущаешь, что это не маска, а живое, страдающее лицо поэта.

Близок нам художник своим восприятием природы. Его многочисленные пейзажи — это природа Пыщуга. Это наши берёзы, дубы, цветы, поля. Его многочисленные натюрморты — это предметы старого крестьянского быта: туески, бурачки, лукошки, лапти, запасённые на будущий год и висящие на повети. Глаз художника прост и чудодейственен одновременно.

Мне помнится ещё одна из его последних работ, которую он вначале назвал “Ноктюрн”, в окончательном варианте — “Памяти Шопена”. Это большое тёмное полотно. У нижнего края лежит распутившаяся красная роза, похожая на человеческое сердце. А из снежного облака над розой искрится снегопад. Картина как бы воскрешает музыку Шопена, строгую, величественную.

Наш художник-земляк ушёл из жизни рано, в 52 года. Он умер 2 июля 1977 года.

Лично мне Алексей Никифорович Козлов imponировал как человек, как отец. Судьба его была сложной, жена умерла рано, оставив ему двоих детей дошкольного возраста. Когда они подросли, определил их в школу-интернат, дети возвращались в дом в выходные. Алексей Никифорович готовился к этому, собирал стол с яствами, как мог, и встречал своих детей объятиями. Ради них он не женился, прожил всю жизнь один.

С Алексеем Никифоровичем мы поддерживали постоянную связь, я не раз бывала в его московской квартире. И должна признаться, что меня удивляла та скромность быта, которая окружала художника. Маленькая двухкомнатная квартира, комнаты очень маленькие, одни коридорчики. Он не имел своей мастерской. Даже и сейчас переживаю, как такого человека оставили без внимания.

На память приходят последние дни жизни художника. Это лето он проводил в Трошине, и там дала о себе знать астма. Его вывезли в Пыщуг, с транспортом помог А. В. Акулов, бывший тогда председателем райисполкома (его связывала с художником большая дружба). Потом проводили до Шарьи, посадили в поезд. Всё, кажется, было уже хорошо. Но когда он вышел в Москве на перрон, снова случился приступ, “скорая помощь” доставила Алексея Никифоровича в реанимацию. Успели сообщить некоторым друзьям, они его навестили, и, как потом говорили, никак не были подготовлены к его уходу из жизни. Случилось так, что в реанимации он через несколько часов умер.

На похоронах было много столичной интеллигенции: художники, писатели, учёные — и мы из Пыщуга: я, Г. Г. Смышляев и Г. А. Харинов.

Состоялись две панихиды, одна — в Доме художников, другая — в церкви. Всё было очень трогательно, необычно. В церкви проходила вечерняя служба, и молящиеся остались проводить художника, как было сказано, великого художника. От нашей делегации на гражданской панихиде выступил Г. А. Харинов, на могиле было поручено выступить мне.

На поминках Юрий Николаевич Куранов продемонстрировал нам все картины, которые находились в доме. Это был удивительный мир, и сердце при виде картин сжималось ещё больше от того, что так рано оборвалась жизнь мастера.

Память об Алексее Никифоровиче Козлове здесь, в Пыщуге, на его родине, хотелось бы сохранить надолго. Мы, учителя, ставили вопрос о перевозе его дома из хутора Трошино в Пыщуг, но всё, как нам говорили, упиралось в средства.

Но может быть, всё-таки это возможно сделать сейчас? Думаю, что дочь и сын пошли бы навстречу Пыщугскому музею, дали бы некоторые картины для демонстрации на родине художника. Хочу надеяться, что власти в Пыщуге будут способствовать созданию музея нашего пыщугского живописца.

Маргарита Смирнова

* * *

Надеждам Маргариты Александровны Смирновой было суждено сбыться. Нашлось немало инициативных людей среди жителей Пыщуга, которые организовали сбор средств на создание музея. Сохранилась даже разграфлённая тетрадка, где записаны коллективы, учреждения, предприятия, колхозы, фамилии жителей района и суммы пожертвований. Суммы невелики, но если учесть, что это происходило в девяностые годы, когда людям не платили зарплату, пенсионерам — пенсии, то тем большее уважение испытываешь и к инициаторам, и жителям. По словам директора музея той поры И. А. Лебедевой, “музей строился много лет и рождался в больших муках, но всё-таки был построен и открыт 9 декабря 1994 года”.

Музей находится на улице Фокина, в доме, где жил знаменитый адмирал В. А. Фокин, сочетает в себе черты исторического, этнографического и художественного музея. В нём три отдельных зала. Первый посвящён трудовым и ратным подвигам наших земляков. Самая большая экспозиция посвящена адмиралу Виталию Алексеевичу Фокину, прошедшему

славный путь от штурмана крейсера “Аврора” до первого заместителя главнокомандующего Военно-Морским Флотом. Есть экспозиция, посвящённая землякам — Героям Советского Союза.

Второй зал музея — историко-этнографический. В нём множество экспонатов старины глубокой. Здесь также проводятся выставки декоративно-прикладного искусства: персональные выставки жителей района — любителей вязания, вышивки, резьбы по дереву, росписи, чеканки и т. д.

Третий зал музея — художественный. Это маленькая галерея знаменитого художника-земляка Алексея Никифоровича Козлова. К сожалению, не получилось перевезти с хутора Трошино родной дом Алексея Никифоровича, к той поре дом обветшал и разрушился, потому зал является новой пристройкой. Дом остался только на снимках и на одном из полотен художника. Но у жителей села и гостей есть замечательная возможность познакомиться с творчеством живописца. Его дочь Мария, которая стала искусствоведом, на открытие музея привезла 12 работ отца и провела экскурсию. Выставка обновлялась четыре раза. Район выделял транспорт, и бережно упакованные картины доставлялись из Москвы в Пыщуг и обратно.

Навстречу Пыщугскому музею пошёл и Костромской музей: он для экспозиции дал на полгода 15 картин художника.

Четырежды в музее устраивались выставки старинных гравюр, монотипий, шедевров графики из частной коллекции московского журналиста Анатолия Филатова, друга художника Алексея Козлова.

Сейчас в музее гостей 10 картин Алексея Никифоровича из коллекции его дочери Марии. Это “Колокольчики” (1972), “Северная колыбель” (1976), “Деревенский колодец” (1976), “Жар-птица” (1974), “Псков. Собор Никосы на Устье” (1968), “Лук. Мак. Чаши” (1963), “Грибы” (1973), “Лампа” (1961), “Конный двор” (1976), “Малиновые кипарисы” (1969).

Одна из интересных встреч состоялась несколько лет назад в районной библиотеке. Гости её были дочь художника Мария Козлова и вдова писателя Юрия Куранова Зоя Николаевна Куранова (она и теперь ежегодно приезжает в Пыщуг к родственникам). Дом её родителей на хуторе стоял рядом с родительским домом художника.

— Когда Алексей Никифорович приезжал в Трошино, — вспоминала Зоя Николаевна, — писал без усталости. Картин набиралось много. Нанимал трактор, чтобы перевезти их до Пыщуга, дорога осенью в те годы — грязь по колено. Трудности невероятные. Но в Москве работать не мог. Родная земля давала ему силы и вдохновение.

Вспоминаю себя ещё маленькой. Пришла к ним в дом с озябшими руками. Алексей воскликнул: “Ах, какие рукавички!” Заставил позировать и написал портрет “Девочка в красных рукавичках”.

На фронте получил ранение. Рука не слушалась, и он долго её разрабатывал. Каких невероятных усилий стоило ему, чтобы снова взять в руки кисть и писать...

Человек он был искренний, эмоциональный, не терпел фальши. Знал много стихов. Юрий тонко чувствовал живопись. Вместе им было интересно, они дополняли друг друга.

В библиотеке и в музее Пыщуга есть книга Юрия Куранова “Озарение радугой”, которую он посвятил памяти своего старшего друга, это творчество о творчестве.

— Казалось бы, Россия велика, и столько есть замечательных мест, но не всякий уголок земли прославлен так, как пыщугская земля, — сказала на той встрече Мария Козлова. — Папа всегда с вдохновением рассказывал о ней, и многие его друзья пожелали увидеть эту землю и полюбили её.

Юрий Николаевич Куранов поддерживал нашу семью. И как-то сказал: “Маша, ты должна написать об отце книгу”. И стал говорить, какой должна быть книга. А спустя какое-то время мне приснился сон, и я услышала голос Юрия Николаевича: “Маша, пиши книгу”. Проснулась и стала собирать материалы.

Книга об отце вышла в 2005 году к его 80-летию, называется она “Уже не жизнь, а житие”. Это строка из посвящённого отцу стихотворения, написанного поэтом Николаем Шатровым к 30-летию памяти художника.

К 70-летию отца Юрий Куранов организовал выставку его работ в Калининграде. На военном вертолёте в Калининград перевезли 90 его картин, их разместили в центральном выставочном зале, и выставку посетили многие тысячи людей.

Отец прожил непростую жизнь, она подготовила ему много испытаний. Не скоро пришло признание. Но натура у него была крепкая, крестьянская, от земли. “Надо идти начатым путём, воля, вера в себя, упорство — вот что надо вырабатывать нам, не искать помощи от кого-то. Безверие, безволие, нервы — вот что губит нас. Выработать свои мысли и идти своим путём упорно...” — писал он своему верному другу, художнику Георгию Вопилову.

Георгий Вопилов учился курсом ниже, боготворил отца и пронёс эту любовь через всю жизнь. Сохранил 100 писем, вырезки, зарисовки, шаржи, рисунки. Один профессиональный художник заснял их. И это всё, что сохранилось после пожара, — дом Георгия Вопилова сгорел.

По общему признанию участников встречи, Алексей Никифорович был большим патриотом. Невозможно без волнения слышать его чуть глуховатый голос с экрана документального фильма, снятого о нем в 70-х годах. “Я родился и вырос в деревне, на той земле, которую мои предки, их друзья и родственники подняли из, можно сказать, небытия к плодородию. Деревня наша, наша северная земля с ее полевыми былинками при дороге, с ее огненными закатами, со снегопадами, дождями, росами вошла в мою плоть и кровь. Я полюбил ее с той минуты, когда впервые босую ногою ступил на нее...”

Я вас всех люблю. Вы все мои родные и близкие. Все до одного. И те, кому нравятся мои работы, и те, у кого есть ко мне претензии какие-то. Потому что все мы сыновья и дочери нашей великой земли...»

* * *

В настоящее время Мария Козлова живёт в Гонконге, но ежегодно приезжает в Москву и на родину отца — в Пыщуг. Сотрудники музея М. И. Базарнова и Н. Д. Бобарыкина надеются, что и в этом году благодаря Марии жители райцентра смогут познакомиться с работами художника, которых они пока ещё не видели.

Автор этих строк тоже неоднократно встречалась с Марией Козловой. Она очень интересный собеседник, простой и открытый человек.

Экскурсии в музей проводятся часто. Приходят учителя со своими классами, приходят взрослые участники клубов по интересам районной библиотеки, летом музей посещают отпускники, бывшие жители Пыщуга, приводят сюда своих детей и внуков.

Одна из улиц Пыщуга носит имя Алексея Козлова.

Память о нём живёт.

с. Пыщуг, Костромская область